

Роль первичных местоимений в образовании наречий в мордовских языках (сравнительный аспект)

М. З. Левина

*ФГБОУ ВО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва»,
г. Саранск, Российская Федерация,
Lev.Mariya@mail.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение: исследование диалектных особенностей, описание говоров и диалектов мордовских (мокшанского и эрзянского) языков является одной из актуальных задач мордовского и финно-угорского языкознания. В статье рассматриваются модели образования местоименных наречий в мордовских (мокшанском и эрзянском) языках, в которых обнаруживаются основы указательных и вопросительных местоимений и общие древние падежные и непадежные форманты, утратившие живые словообразовательные связи и интерпретируются как аффиксы наречий.

Цель: выявление исторических закономерностей, которые привели к фонетическим и семантическим изменениям в структуре местоименных наречий.

Материалы исследования: материалом являются наречийные образования в мокшанском и эрзянском языках не только на территории республики Мордовия, но и за её пределами.

Результаты и научная новизна: данное исследование, выполненное на актуальную тему с целью решения определённых проблем, связанных с анализом новообразований в грамматической категории наречия, восстановление аффиксов местоименного происхождения, изучением диалектов мордовских языков. Важность обозначенной проблемы определяется необходимостью представления своеобразия мордовских языков в связи с исчезновением ряда говоров.

Ключевые слова: первичные местоимения, местоименные наречия, словообразовательная модель, форманты, аффиксы.

Для цитирования: Левина М.З. Роль первичных местоимений в образовании наречий в мордовских языках (сравнительный аспект) // Вестник угроведения. 2018. Т. 8. № 2. С. 268–274.

The role of primordial pronouns in the formation of adverbs in the Mordovian languages (comparative aspect)

M. Z. Levina

*Ogarev Mordovia State University,
Saransk, Russian Federation,
Lev.Mariya@mail.ru*

ABSTRACT

Introduction: the study of dialectal features, the description of sub-dialects and dialects of the Mordovian (Moksha and Erzya) languages is one of the relevant tasks of Mordovian and Finno-Ugric linguistics. The article deals with the models of formation of pronominal adverbs in the Mordovian (Moksha and Erzyan) languages, in which the basics of the demonstrative and interrogative pronouns and common ancient case and non-case formants are found, which have lost the living word-formation relations and are interpreted as affixes of adverbs.

Objective: to identify historical patterns that led to phonetic and semantic changes in the structure of the pronominal adverbs.

Research materials: adverbs of the Moksha and Erzyan languages in the territory of the Republic of Mordovia and beyond its borders.

Results and novelty of the research: the research was carried out on an actual topic with the purpose of solving certain problems related to the analysis of new formations in the grammatical category of adverbs, the restoration of affixes of pronominal origin, the study of dialects of the Mordovian languages. The importance of

the problem is determined by the need to represent the originality of Mordovian languages in connection with the disappearance of a number of dialects.

Key words: primordial pronouns, pronominal adverbs, word-formation model, formants, affixes.

For citation: Levina M. Z. The role of primordial pronouns in the formation of adverbs in the Mordovian languages (comparative aspect) // *Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric studies*. 2018; 8(2): 268–274.

Введение

Актуальность темы определяется недостаточной разработанностью данной проблемы в мордовском языкознании. Многие вопросы, связанные с образованием наречий отражены в работах Майтинской К. Е. «Местоимения в мордовских и марийском языках» (1964) [3], Трощевой М. П. «Наречия в современных мордовских языках» (1969) [5], Цыганкина Д. В. «Очерк сравнительной грамматики мордовских (мокшанского и эрзянского) литературных языков» (1975) [6] и др.

Целью и задачей данной статьи является изучение особенностей аффиксального словообразования наречийных слов.

В финно-угорских языках участие местоимения в образовании наречий являлось наиболее продуктивным способом. Местоименные наречия, как показывает их название, представляют собой промежуточную категорию. Они, как и местоимения, не называют признаков действия или обстоятельства, характеризующие действие, состояние или признак предмета, а только указывают на них. Эти слова с обстоятельственным значением по сложившейся традиции рассматриваются в составе наречий, что вполне правильно с точки зрения грамматики, но является отступлением от семантического принципа, лежащего в основе классификации ряда других местоименных слов [3, 40].

Материалы и методы

Местоименные наречия неоднородны по своим значениям и разнородны по образованию. Одни наречия, этимологически восходящие к указательным и вопросительным местоимениям, утратили живые словообразовательные связи и обнаруживаются в них следы древних падежей, исчезнувших из мордовских языков. Другие образования сохраняют смысловые и словообразовательные связи с теми местоимениями, от основ которых произведены. В них выявляются застывшие форманты современных падежей, которые осмысливаются как суффиксы наречий. Соотносительность этих

наречий с местоимениями состоит, прежде всего, в их семантико-синтаксической общности.

Некоторые наречия с такими же местоименными корнями встречаются и в других финно-угорских языках: венг. *tovabb* 'дальше', *tovalu* 'в прошлом году' [7, 430, 445]; удм. *ku* 'когда', *kuke* 'когда-нибудь'; фин. *kun* 'когда', *kiten* 'как, каким образом' [8].

Результаты

В мордовских языках существуют две разновидности производных местоименных наречий.

К **I-ой разновидности** относятся образования, состоящие из финно-угорского местоименного корня и местоименного форманта с усилительным значением. Поскольку подобные суффиксы сами по себе никакой наречной функции не выполняли, возникшие образования первоначально, по-видимому, должны были употребляться в функции не только наречий, но и местоимений. Приводимые ниже случаи подтверждают нашу мысль об исконной неразделённости именных и наречных функций местоименных частиц:

мокш. *tafta* 'так' включает следующие элементы: указательное местоимение *tä* 'этот' + местоименный суффикс *-va/-vo* + местоименный суффикс *-ta/ -da*. Наречное значение слову *tafta* сообщается местоименным суффиксом *-ta/ -da*, ср. эрз. *ist'a* (сложное указательное местоимение *is* + *-ta*) 'так'. Поскольку местоименный суффикс *-ta/ -da* в конечном счёте восходит к указательному местоименному корню **ty* (ср. мар. *tudo* 'тот'), вполне естественно, что первоначально он мог иметь и наречное значение образа действия. Значение образа действия в словах типа *tafta* 'так' наводит на мысль, что *-ta* в этих словах является не местоименным суффиксом, а падежным окончанием аблатива. Однако с данной гипотезой можно не согласиться, так как к местоименным словам с суффиксом *-ta/ -da*, выражающим образ действия, часто присоединяется местоименный суффикс *-mo /-ma*, а известно, что местоименные

суффиксы обычно не следуют за падежными окончаниями, во всяком случае, в мордовском языке местоименные суффиксы всегда предшествуют им. Следует отметить, что мордовскому аблативу несвойственно выражение образа действия.

В удмуртском языке местоименное наречие *ož / oži / oži* 'так' состоит также из указательного корня *o-* и местоименного суффикса *-ž / -ži / -ži*. В марийских *tuxe, tuxe, tange* 'так' выявляются местоименный корень *tu- / tə-* и местоименный суффикс *-xe / -nge*, этимологически тождественный суффиксу *-g* в венгерских личных местоимениях *āngem* 'меня', *téged* 'тебя', в которых он имел лишь подчеркивающую функцию [3, 61];

мокш. *koda*, эрз. *koda* 'как'. Наречие имеет структуру: *ko* (< ф.-у. **ko-*) + *-da* (< ф.-у. местоименный суффикс **-ta*, восходящий к финно-угорской местоименной основе **ty*);

мокш. *kalí* 'когда'. Слово восходит к древней вопросительно-местоименной основе, к которой присоединяется местоименный суффикс *-lí*. Оно употребляется в говорах западного диалекта вместо литературной формы мокш. *məžarda*, эрз. *žardo*.

Ко II разновидности местоименных наречий относятся образования, состоящие из местоименного корня и какого-либо суффикса падежного характера. Превращение падежных форм местоимений в наречия происходит разными путями: либо соответствующий формант выпадает из живой парадигмы, уступая место другим падежным формантам или аналитическим средствам выражения данного значения, либо изменяется семантика падежа. Обособляясь от падежных форм местоимений, наречия сохраняют в своём составе устаревшие, ушедшие из парадигмы падежные форманты или продолжают выражать значения, которые соответствующие формантам падежи перестали передавать. При этом в структуре местоименных наречий нередко происходят изменения (слияние, выпадение звуков и т. д.).

Выявляются несколько групп:

1) местоименные наречия с мёртвыми падежными формантами, где основой являются:

а) указательные местоимения:

мокш. *tijänä* 'по этому месту': *tí* (< ф.-у. **tj-*) + *je* (< ф.-у. **-ka* – латив I) + *hé* (< ф.-у. **-na, -nä* – локатив I);

мокш. *tuvanä / tavanä* 'по тому месту' (говоры зап. д.): *tu / tə* – местоименная основа < **ty-* +

va (< ф.-у. **-ka* – латив I) + *hé* (< ф.-у. **-na, -nä* – локатив I);

мокш. *šijänä* 'по тому месту': *ši* (< ф.-у. *šj-*) + *je* (< ф.-у. **-ka* – латив I) + *hé* (< ф.-у. **-na, -nä* – локатив I);

мокш. *təzə / taza / tazi* 'сюда': *tə / tə* – местоименная основа < ф.-у. **tj-* + **-s* – латив;

мокш. *toza(ə) / tozi*, эрз. *tozo* 'туда': *to* < ф.-у. **ty-* + **-s* – латив;

В местоименных образованиях мокш. *taza(ə) / tazi* 'сюда', *toza(ə) / tozi*, эрз. *tozo* 'туда' суффикс *-z-* представляет собой вариант *-s-*. По мнению М. П. Трощевой, наречия на *-z* когда-то имели форму на *-h* со значением направления [5, 15]. Об этом свидетельствует тот факт, что в некоторых диалектах сохранились такие формы, как *tozəh* 'туда', *kozəh* 'куда', а также мокш. *tozi*, э. *tozo* / *tozoj* 'туда', мокш. *kozi*, эрз. *kozo* / *kozoj* 'куда', где *-j* и *i* являются как бы наследником *-h*. Формы *tazi* 'сюда', *tozi* 'туда', *kozi* 'куда' отмечены в краснослободско-синдровско-шайговской подгруппе говоров центрального диалекта [1, 12];

мокш. *tola* 'там, в той стороне': *to-* (< ф.-у. **ty-*) + формант адессива *-la* (< **-lno*, словообразовательный **-l* + ф.-у. суффикс локатива **-na, -nä*);

мокш. *tovəla* 'там, в той стороне': *to-* (< ф.-у. **ty-*) + местоименный суффикс *-va, -və*. Последний, как полагает К. Е. Майтинская возводится к уральскому местоименному суффиксу *-k* [3, 8], дополненному формантом адессива *-la* (< **-lno*, где **-no* – остаток уральского *n*-ового локатива). Данные формы выявляются в говорах западного диалекта;

б) вопросительные местоимения:

мокш. *kuvanä* 'по какой стороне': *ku / kə* (< ф.-у. **ky-* + *va* (< ф.-у. **-ka* – латив I) + *hé* (< ф.-у. **-na, -nä* – локатив I);

мокш. *koza(ə) / kozi*, эрз. *kozo* 'сюда': *ko-* (< ф.-у. вопросительно-местоименной основы **ky-* + *-s* – латив);

мокш. *ombət* 'послезавтра'. Образовано от финно-угорской местоименной основы на **o-* (ср. *omba* 'другой, второй') с помощью суффикса *-mb* (восходящего к ф.-у. словообразовательному форманту **mp*, сложившемуся из двух именных суффиксов – **m* + **pa* и первоначально использовавшемуся для подчёркивания противопоставлений по пространственному или временному признаку) и темпорального суффикса *-t*. Первоначальное значение

местоименной основы *o-*, по-видимому, указание на далёкое расстояние. Об этом свидетельствует её основное значение ‘другой’: *lájť omboksa(ə)* ‘на другой стороне реки’; *kuťť omboksa(ə)* ‘на другой стороне дома’;

2) местоименные наречия с живыми падежными формантами, где основой являются:

а) указательные местоимения:

мокш. *ťasa(ə)* / *ťasi*, эрз. *ťesę* ‘здесь’ (*ťasi* – краснослободско-синдровско-шайговская подгруппа говоров центрального диалекта): *ťa* (< ф.-у. **ťj-*) + *-sa* – падежный показатель современного инесива (< **sna* < **-s* – латив + *-na* – локатив). Например: шайг.г. [*ęx nájəl'it kodama źasi viřš vařəň lovəň pramda mel'e*] – ‘Эх, увидел бы ты какой здесь лес после первого снегопада!’ [1, 12];

мокш. *tosa(ə)* / *tosj*, эрз. *toso* ‘там’: *to-* (< ф.-у. **ty-*) + *-sa* / *-sP* / *-so* – современный показатель инесива (< **-sna* < **s* – латив + *na* – локатив). Например: эрз. *Тосо эзь маряво вирень лажнома, леень шольнема* (К. Абрамов). – ‘Там не слышно шума леса, журчания реки’;

мокш. *ťasta(ə)* / *ťastj*, эрз. *ťestę* ‘отсюда, из этих мест’: *ťa-* (< ф.-у. **ťj-*) + *-sta* – современный показатель элатива (*s* < **s* – латив + *ta* / *tə* / *tP* < **-ta* / **-tä* – аблатив);

мокш. *tosta(ə)*, эрз. *tosto* ‘оттуда, из тех мест’: *to-* (< ф.-у. **ty-*) + *-sta* / *-sto* – современный показатель элатива (*s* < **s* – латив + *ta* / *tə* < **-ta* / **-tä* – аблатив);

мокш. *tov* ‘куда’: *to* (< ф.-у. **ty-*) + *-v* – современный показатель латива;

мокш. *ťiva* / *ťijä* / *ťija* / *ťijänä*, эрз. *ťija* ‘по этому месту’: *ti* (< ф.-у. **ťj-*) + *-va* / *-je* < ф.-у. **-ka* – латив I). Пролативный суффикс *-va* закономерно перешёл в *-ja*, *-jä* [9, 33] + *ne* (< ф.-у. **-na*, *-nä* – локатив I). Например: эрз. *Туя кись содавикс, савкинось яксемс а весть* (К. Абрамов). – ‘Здесь дорога знакомая, не раз приходилось ходить’;

мокш. *tuva* / *tova* / *təva* *tuvaňä* / *təvaňä(e)* ‘по тому месту’: *tu-* / *to-* / *tə-* (< ф.-у. **ty-*) + *-va* – современный показатель пролатива (< ф.-у. **-ka* – латив I) + *ne* (< ф.-у. **-na*, *-nä* – локатив I).

мокш. *tolda(ə)* ‘оттуда’: *to-* (< ф.-у. **ty-*) + *-la* – формант адессива (< **-lno*, где **-no* – остаток уральского *n*-ового локатива) + *-da* – формант современного аблатива;

мокш. *tovälda(ə)* ‘отсюда’: *to-* (< ф.-у. **ty-*) + *-va*, *-və* – местоименный суффикс (< **-k* + формант адессива *-la* < **-lno*, где **-no* – остаток

уральского *n*-ового локатива) + *-da* – формант современного аблатива. Сфера их распространения – говоры западного диалекта: [*tovälda nájəvšt' kafta lomaňəň mataRt*] – ‘Оттуда виднелись силуэты двух человек’;

В основах указательно-местоименных слов заметно историческое чередование гласных: *o*, *u*, *e*, *i*: *tosa(ə)*, *tosta(ə)*, *tov*, *toza(ə)*, но *tuva*, *ťije*. Факт наличия местоименных наречийных форм *tosa(ə)*, *tosta(ə)*, *tov*, *toza(ə)* говорит о том, что в прамордовском языке, по-видимому, самостоятельно функционировало указательное местоимение с несущественным семантическим отличием от местоимения *ťä*. Впоследствии из-за близости значений прамордовское местоимение *to* потеряло свою семантику и вместе с падежным суффиксом перешло в ряд наречий;

мокш. *šej* / *šij* ‘сюда’, эрз. *šeze* ‘туда’: *še* / *ši* (< ф.-у. **šj-*) + *-j* – современный формант иллатива. Например: мокш. *Пади, арьсят, сон сонць сась сей?* *Тяфта шарьхкодихтень?* (Ю. Кузнецов). – ‘Может, думаешь, он сам придет? Так я тебя понял?’; эрз. *Сезэньгак сави модемс*. – ‘И туда придётся пойти’.

мокш. *šijä* / *šijänä*, эрз. *šija* ‘по тому месту’: *ši* (< ф.-у. **šj-*) + *je* (< ф.-у. **-ka* – латив I). Пролативный суффикс *-va* закономерно перешёл в *-ja*, *-jä*. Например: мокш. *Эста видекс мон арьсень, синь ащекинихть фкя вастса или шаштыхть няк валом, бльшай, уихть сияне няк вишкста, аф лоткафтовихть, аф сатовихть, аф мрдафтовихть* (Ю. Кузнецов). – ‘Тогда я подумал, что они находятся на одном месте или плывут очень медленно, наверняка, плывут там очень быстро, не остановить их, не догнать, не вернуть’; эрз. *Ютамс сия*. – ‘Пройти там’;

мокш. *ęsa(ə)* / *isa(ə)* / *jesa* ‘там’: *ę-* (< ф.-у. **ę-*) + *-sa* – современный показатель инесива (< **-sna* < **s* – латив + *na* – локатив);

мокш. *ęsta(ə)* / *jesta* ‘тогда’: *ę-* (< ф.-у. **ę-*) + *-sta* – современный показатель элатива (*s* < **s* – латив + *ta* / *tə* < **-ta* / *-tä* – аблатив). Вместо литературных *ęsa(ə)* ‘там’, *ęsta(ə)* ‘тогда’ в говорах юго-восточного диалекта употребляются формы *jesa* ‘там’, *jesta* ‘тогда’, *jezk* ‘сейчас’ и др. Появление *j* в начале слова вызвано стремлением языка к устранению зияния между первым гласным местоименного слова и конечным гласным предшествующего слова [9, 66, 67]. Возникший таким путём *j* в некоторых словах мог стать постоянным;

б) вопросительные местоимения:

мокш. *kosa(ə)* /*kosɨ*, эрз. *koso* ‘где’: *ko-* (< ф.-у. вопросительно-местоименной основе **ky-* + *-sa* /*-sɨ* /*-so* современный показатель инесива (< **-sna* < *s – латив + *na* – локатив). Например: мокш. *Коса? Кода? Мзырда?* – эрз. *эязста и вельф кайгиста кизефтень мон, и аныцек сяс, штоба ацаньфтемс вишкста шави седизень и верондафтомс эсь прызень сянди, мезе лиссь.* – ‘Где? Как? Когда? – быстро и громко спросил я, и только потому, чтобы успокоить свое взволнованное сердце и заставить поверить себя тому, что случилось’; эрз. *Цёрыньсь косо аволь уле, сон свал ловнось книга.* – ‘Мальчик где бы не был, он всегда читал книгу’;

мокш. *kosta(ə)*, э.лит. *kosto* ‘откуда, из каких мест’ (< ф.-у. вопросительно-местоименной основы *ky + *-sta* / *-sto* – современный показатель элатива *s* (< *s – латив) + *ta* /*tə* /*-to* (< **-ta* /*-tä* – аблатив). Например: эрз. *Косто ведесь муиль лушмине, сия теевиль од лейне (К. Абрамов).* – ‘Где вода находила ложбинку, там образовывалась новая речка’;

мокш. *kov* ‘куда’: *ko-* (< ф.-у. *ky) + *-v* – современный показатель латива;

мокш. *kova(ə)* ‘откуда, с какой стороны’: *ko-* (< ф.-у. **ky-*) + *-va*, *-və* – местоименный суффикс (< **-k*) + *-la* – формант адессива (< **-lno*, где **-no* – остаток уральского *n*-ового локатива) + *-da* – формант современного аблатива;

мокш. *kuva* / *kəva* / *kuvaŋä*, эрз. *kuva* ‘по какой стороне’: *ku/kə* (< ф.-у. местоименной основе **ky-*) + *va* – современный показатель пролатива (< ф.-у. **-ka* – латив I). Сохранение в современных местоименных наречиях основы *ko-* /*ku-* объясняется тем, что в прамордовском языке наряду с вопросительными местоимениями *ki* ‘кто’, *te* ‘что’ функционировало местоимение *ko* ~ *ku*, следы которого отмечаются в данных образованиях. Например: мокш. *Мон щань-карянь и эязста тунь ляй берякова, куване ётнесь Миша патязе (Ю. Кузнецов).* – ‘Я оделся-обулся и быстро пошел по берегу реки, где ходил дядя Миша’;

мокш. *tes* ‘почему’: *te-* (< ф.-у. к вопросительно-местоименной основе **te-*) + *-s* – современный показатель латива;

Во всех местоименных наречиях, в том числе в образованиях *t'azk* ‘здесь’, *ezk* /*jezk* ‘здесь’, *jezkak* ‘в тот же момент’; *tozk* ‘там’, *tozkəŋ*, *tostəkəŋ* ‘тамошний’; *t'ijak* ‘по этому месту’, *šijak* ‘по той стороне’; *məzarda(ə)* / *məzardɨ* ‘ког-

да’, *məzarkšt* ‘во сколько раз’, *t'äškəs* ‘до этих пор’, *šäškəs* ‘до сих пор’, *kuvat's* ‘как долго’ выявляются местоименные основы. Например: мокш. *Эрь ломанть эряфса мзырда-аф мзырда саиенды пинге лоткамс и варжакстомс фталу, ётаф кизотненди (Ю.Кузнецов).* – ‘В жизни каждого человека наступает момент, когда нужно остановиться и оглянуться назад, к пройденным годам’.

В образованиях типа *t'ijak* ‘по этому месту’ происхождение *-jak* точно не установлено. Но многие учёные, в том числе Б. А. Серебренников [4, 34], К. Е. Майтинская [3, 22], считают его усилительной частицей.

В местоименных наречиях *t'äpälä* / *t'äpälə* / *t'epelä* ‘на этой стороне’, *t'äpäli* ‘за эту сторону’, *t'äpeld'e(ə)* ‘с этой стороны’ обнаруживается наличие компонента *pälä* ‘сторона’. В говорах западного диалекта, а также эрзянском языке имеются наречие *t'evele* ‘на этой стороне’, где после некоторых фонетических изменений *-p-* переходит в *-v-*. К. Е. Майтинская признает *-vo* в подобных образованиях местоименным суффиксом, восходящим к уральскому местоименному суффиксу **-k* [3, 9]. Изменение гласного зависит от фонетической позиции: гласный переднего ряда чаще всего выступает между мягкими согласными, а непереднего ряда – между твёрдыми согласными.

Образования *tombäle* ‘по ту сторону’, *tombäli* ‘туда’, ‘за ту сторону’, *tombäld'e(ə)* ‘оттуда’, ‘с другой стороны’ являются сложными. В их состав также входит существительное *päl* ‘сторона’ или *pälä* ‘половина’. Данные слова расчленяются следующим образом: местоимение *to* + суффикс *-mb* (восходящий к ф.-у. словообразовательному форманту *mp, образовавшемуся из двух именных суффиксов – *m + *pa, первоначально служивший для подчёркивания противопоставлений по пространственному или временному признаку и указывающему в данном случае степень удаленности предмета) + *peł* + *-de* суффикс аблатива [1, 12]. Можно найти и другое объяснение, исключив суффикс *-mb*: *tona* + *peł*. Однако это мы считаем маловероятным по двум причинам: во-первых, суффикс *-mb* выступает часто и при других местоименных основах (ср. *šembe*, *embə*, *ombo*), во-вторых, наращения обычно получает не основа *tona*, а первоначальная форма *to-*.

Некоторые сложные местоименные образования, выражающие временные значения,

включают в себя не только основу местоимения, но и какое-либо слово. В ряде случаев элементы этих сложных образований распознаются с большим трудом. Прочному слиянию компонентов содействуют звуковые и семантические изменения: мокш. *tadde*, эрз. *tedede* ‘в этом году’, *tadde kiga(ə)* ‘еще в этом году’. Например, местоименное наречие: *tadde* ‘в этом году’ состоит из указательного местоимения *tä* и существительного эрзянского языка *i* ‘год’ в аблативе (ср. эрз. *tedide*); мокш. *täci*, эрз. *teci* ‘сегодня’, *täcims* ‘до сих пор’ образованы из местоимения *tä* + *ci (ši)* ‘день’, где *täci* дословно означает ‘этот день’, а *täcims* ‘до этого дня’; *täni* ‘теперь’, *tänige* ‘и теперь’, *tänikige* ‘сейчас же’, *tänims* ‘до сих пор’ состоят из указательного местоимения *tä* + мокшанского *ni* ‘теперь, уже’. Например: мокш. *Тяддень сёксье ульсь мазы эсь лацонза: и августонь лямбе шитне - ...ваттака, кодама нинге сягярят лопатне!* (Ю. Кузнецов). – ‘Нынешняя осень была прекрасна по-своему: и августовские теплые дни – ... посмотрите-ка, какие зелёные ещё листья!’; эрз. *Тундось тедедесась рана*. – ‘Весна в этом году пришла рано’;

Местоименные наречия чаще объединяются друг с другом, образуя парные сочетания слов. Подобные наречные образования используются для указания на нечто разбросанное, распределённое по разным местам, происходящее в не одно время, по-разному и т.д. В них компоненты образованы либо от разных, либо от одних и тех же местоименных корней. Связь между компонентами может быть выражена при помощи союза или без него: мокш. *tasa-tosa*, эрз. *tesэ-toso* ‘там и сям (букв.: здесь – там)’, мокш., эрз. *tijä-tuva, tijänä-tuvahe* ‘и здесь и там, везде (букв.: по этому – по тому месту)’, *taza-toza, šej-tov* ‘туда-сюда’, *sta-tafta* ‘так-сяк’ и т. д. Например: мокш. *Шись срафнезень сей-тов якстерь сюролданзон ошть вельккс, сяс кожфсьеке архтфоль якстержаза тюсса*

(Ю. Кузнецов). – ‘Солнце разбрасывало повсюду над городом свои красные лучи, поэтому и воздух казался окрашенным в красноватый цвет’; эрз. *Менельсэнть тесэ-тосо липнесть теитне*. – ‘На небе кое-где мерцали звезды’; эрз. *Лей чирень севонев начко моданть ланга тия-тува появасть васень цецят* (К. Абрамов). – ‘На глинистом берегу реки кое-где появились первые цветы’ [2, 181].

В диалектах мокшанского языка встречаются соединения *ś*-ового указательного местоимения со словами наречно-последложного характера: *śä-mele, śä-meld'e, śä-ld'e* ‘затем, потом’ (в последнем слове утрачен слог *me*).

Местоименные наречия, производные от вопросительных местоимений, могут приобретать оттенок неопределённости, придаваемый частицей *koj-*: *koj-goda* ‘кое-как’, *koj-guva* ‘кое-где’, *koj-goza* ‘кое-куда’. В говорах центрального и частично юго-восточного диалектов неопределённое значение вносит частица *-ga, -gä/-ge*, употребляемая параллельно с литературной *-vok*: *kosaga* ‘где-то’, *kodaga* ‘как-нибудь’, *kostaga* ‘откуда-нибудь’, *kozənga konga* ‘куда-нибудь’.

Обсуждение и заключения

Таким образом, обобщая изложенное, отметим, что местоименные наречия широко распространены не только в мордовских (мокшанском и эрзянском), но и во многих родственных финно-угорских языках, которые образованы от основ указательных *-to, -tu, -ti, -te, -tä, -ši-, śä-, še-*, вопросительных на *-ko, -ku, -me, mež-* местоимений с помощью формантов как древних падежей, исчезнувших из мордовских языков, так и современных падежей, которые осмысливаются как суффиксы наречий, а также отдельных слов, которые подверглись фонетическим и семантическим изменениям в структуре слова.

Список источников и литературы

1. Левина М. З. Эволюция местоимений в диалектах мокшанского языка: Автореф. дис... канд. филол. наук. Саранск, 2003. 18 с.
2. Левина М. З., Седова П. Е. Диалектизмы в языке мокшанской художественной литературы // Вестник Чувашского университета. Гуманитарные науки. 2015. № 2. С. 178–187.
3. Майтинская К. Е. Местоимения в мордовских и марийском языках. М.: Наука, 1964. 104 с.
4. Серебrenников Б. А. Историческая морфология мордовских языков. М.: Наука, 1967. 261 с.
5. Трощева М. П. Наречия в современных мордовских языках: Автореф. дис.... канд. филол. наук. Тарту, 1969. 23 с.

6. Цыганкин Д. В., Деваева С. З. Очерк сравнительной грамматики мордовских (мокшанского и эрзянского) литературных языков. Саранск: Изд-во Морд. ун-та, 1975. 115 с.
7. Хаас Э. С. Русско-венгерский словарь. М.: Госиздат. иностр. и нац. словарей, 1951. 607 с.
8. Herrala E., Feoktistov A. Mokšalais-suomalainen sanakirja. Turku, 1998. 222 s.
9. Paasonen H. Einige Bemerkungen über die Formen der Possessivsuffixe // Paasonen H. Mordwinische Lautlehre. Helsingfors, 1903. S. 120–123. (MSFOu. –Т. 22).

References

1. Levina M. Z. *Jevoljucija mestoimenij v dialektah mokshanskogo jazyka* [Evolution of pronouns in dialects of the Moksha language]. Saransk, 2003. 18 p. (In Russian)
2. Levina M. Z., Sedova P. E. *Dialektizmy v jazyke mokshanskoj hudozhestvennoj literatury* [Dialectisms in the language of Moksha fiction]. *Vestnik Chuvashskogo gosuniversiteta* [Bulletin of the Chuvash State University], 2015, no. 2, pp. 178–187. (In Russian)
3. Maytinskaya K. E. *Mestoimenija v mordovskih i marijskom jazykah* [Pronouns in the Mordovian and Mari languages]. Moscow: Nauka Publ., 1964. 104 p. (In Russian)
4. Serebrennikov B. A. *Istoricheskaja morfologija mordovskih jazykov* [Historical morphology of the Mordovian languages]. Moscow: Nauka Publ., 1967. 261 p. (In Russian)
5. Troshheva M. P. *Narechija v sovremennyh mordovskih jazykah* [Adverbs in the modern Mordovian languages]. Tartu, 1969. 23 p. (In Russian)
6. Tsygankin D. V., Devaev S. Z. *Oчерk sravnitel'noj grammatiki mordovskih (mokshanskogo i jerzjanskogo) literaturnyh jazykov* [Essay of the comparative grammar of the Mordovian (Moksha and Erzya) literary languages]. Saransk: Izd-vo Mord. un-ta Publ., 1975. 115 p. (In Russian)
7. Haas J. S. *Russko-vengerskij slovar'* [Russian-Hungarian dictionary]. Moscow: Gosizdat. inostr. i nats. Slovaroj Publ., 1951. 607 p. (In Russian, Hungarian)
8. Herrala E., Feoktistov A. Mokšalais-suomalainen sanakirja. Turku, 1998. 222 s. (In Moksha, Finnish)
9. Paasonen H. Einige Bemerkungen über die Formen der Possessivsuffixe // Paasonen H. Mordwinische Lautlehre. Helsingfors, 1903. S. 120–123. (MSFOu. – Т. 22). (In German)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Левина Мария Захаровна, доцент, ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва» (430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68/1), кандидат филологических наук.

Lev.Mariya@mail.ru

ORCID 0000-0002-7808-2187

ABOUT THE AUTHOR:

Levina Maria Zakharovna, Assistant Professor, Ogarev Mordovia State University (430005, Russian Federation, Saransk, Bolshevistskaya st., 68/1), Candidate of Philological Sciences.

Lev.Mariya@mail.ru

ORCID 0000-0002-7808-2187